

ПРОСТОЙ и волшебный мир кулис. В глубине двора на стене полустершаяся надпись мелом «Служебный вход», дверь, которая скрипит и никак не открывается, длинный коридор и множество дверей.

Вот сейчас в одну из них вошел обросший щетиной, с воспаленными глазами командир. А через несколько минут оттуда вышел обыкновенный молодой человек — артист театра имени Ермоловой Владимир Андреев.

11 часов вечера. Спектакль окончен, грим снят. Посильнее надавить плечом на скрипучую дверь — и мир героев вымысленных переходит в мир реальных. Володя спускается на улицу. А может быть, здесь и начинается волшебство, среди этого моря глаз, неповторимых одной какой-нибудь своей искоркой, глаз живых, распахнутых и пританцованных, прозрачных, как капли весеннего дождя, как капли тревожных, как огонь в ночи?

И где-то среди них — один, глаза его героя. Как найти его?

Володя помнит свою поездку в составе актерской бригады на строительство канала. Жизнь там создавала такие феерии, каких никогда не видела сцена. Артисты выступали на дне моря, которого еще не было сегодня, но которое уже завтра щедро вы-

Актер ищет героя

плескивали в безжизненную степь руки строителей, уходящих все дальше по руслу канала.

И туда, в неотстроенную даль, уходил по колено в грязи и глине Володин герой. От него нельзя было отставать, и Володя шел вперед, сквозь горячий сухой налетевшей лихорадки, разрывая ледяные цепкие объятия степной ночи, слизывая с запекшихся губ прилипший к ним песок.

А его герой? Может быть, это он сейчас в палатке укутывал его, больного, полужубком? Или он встретился ему раньше — простой парень во время съемок «Доброе утро», учивший Володю работать на экскаваторе. Учение оказалось коротким: за 15 минут была продемонстрирована с краткими комментариями вся сложная система:

— Все. Повтори.

Артист растерянно посмотрел на рабочего: всех этих «вернуть сюда», «нажать так» было бесчисленное множество.

— Ну, знаешь, парень, у меня из-за тебя план стоит,

— проворчал учитель. Так и пришлось стать экскаваторщиком за какие-нибудь 2—3 дня.

А может быть, герой тот, с кем Володя познакомился уже много лет спустя, когда ездил с товарищами на фестиваль фильмов киностудии имени Горького?

Это был какой-то совсем новый, непонятный для Володи человек, второй секретарь райкома ВЛКСМ. Он цитировал наизусть западных философов, произносил блестящие тосты, а потом вдруг, озабоченный, убежал с расстроенной дояркой, а возвращался и, совсем по-ребячьи улыбаясь, сообщал, что коровник наконец-то починили.

Потом они ехали вместе на грузовике. Кругом лежал снег, а новый Володин знакомый говорил о садах, о домах, которых еще не было, но которые должны были быть. Он знал каждую пядь этой земли, сквозь снежную шубу чувствовал ее теплое, предвесеннее дыхание, говорил с ней, понимал ее.

Вот так и ходит где-то около антера его герой, этот хороший и разный, простой и сложный, понятный и непо-

нятый, сегодняшний парень. Он повсюду и, может быть, поэтому неуловим. Так иногда выбежишь в сад под летний дождик, подставишь ладони под капли-попрыгунчики, и хотя они всюду — на носу, щеках и платье — все мокрое, а в руки не даются — отскакивают.

Молодой актер и его зритель, его герой — вот главное, что волновало и волнует Владимира Андреева, артиста и секретаря бюро ВЛКСМ актерского факультета в ГИТИСе, а потом секретаря комсомольской организации театра имени Ермоловой и, наконец, члена творческой секции Советского райкома ВЛКСМ.

Актер ищет героя. Вот почему Андреева можно увидеть на заводе, в колхозе, на стройке, на всех конференциях зрителей, на диспутах в Доме актера. Подойти ближе к этому неуловимому герою, так, чтобы ухватить какие-то его неповторимые, драгоценные черточки и принести их, не растеряв ни одной, в свое творчество.

Андреев не идет к своему герою проторенными дорожками актерских штампов.

Ведь это только дети собирают дом из старых, уже совсем вытершихся кубиков. Так делает иногда и актер, безнадежно засидевшийся в одном амплуа и складывающий всех своих героев из некогда уже иггранных «добродушия», «кротости» или «беззаветного мужества».

А попробуйте определить амплуа Андреева! Когда Володе было 16 лет, он буквально ошарашил одну известную актрису странным подбором репертуара: монолог Бориса Годунова и «Лошадиная фамилия» Чехова, рядом — сумрачное и трагическое «Еду ли ночью по улице темной» Некрасова.

Прошли годы, и эта еще не осознанная «разность» превратилась в хорошее актерское любопытство, какое-то вечное беспокойство, молодую, непокорную ершистость. В репертуаре Андреева — Алексей из пьесы В. Розова «В добрый час» и Гордон Уайтхауз в «Опасном повороте» Д. Пристли, Шурка Зайцев в «Старых друзьях» Малюгина и Робер Массубр в спектакле «Мольба о жизни» Ж. Деваля.

...Вот он — фашист Робер Массубр с колючими глазами, повадками рыси и волчьей хваткой, последний отпрыск своего рода и самый страшный, потому что в нем нет уже ничего человеческого. «Во Франции будет порядок»,

— говорит он, и нам страшно, потому что это будет порядок тюрьмы, казармы, порядок кладбища.

Или Гордон Уайтхауз. Запоминаются его руки, которые он словно выбрасывает от себя, не находя им места. Истеричные, точно цепляющиеся за что-то беспомощно и отчаянно, эти руки напоминают слабые, бледные стебли на куче мусора и гнили.

И только сам артист знает, как здорово после смокинга Уайтхауза натянуть полужубок целинника! Чем-то таким родным, своим, близким пахнет овчина, и кажется, из затхлой комнаты вышел в ночную степь, и под ногами мягко, послушно приминается снег.

Андреев умеет показывать, что хорошее в его герое не цветет пышными бумажными цветами без цвета и запаха, а пробивается ростками, пусть еще и слабенькими, но сочными и зелеными.

Так было с его Алексеем в пьесе М. Светлова «С новым счастьем». Широкая на-

тура — широкая степь, целина, здесь бы и развернуться, а к нему пристают с комсомолом, долгом, работой. «Один проживу», — заявляет Алексей. Но в том, как вдруг замолчал, как обижено, по-детски надул губы, как резко запахнул всегда распахнутый полужубок, чувствуется — одному уже трудно.

Трудно играть такие роли, трудно донести до зрителя мучительное и долгое рождение хорошего в человеке. Мучился и Андреев со своим героем. Были минуты разочарований, всякое приходило в голову: и что бездарен, и что заштамповался, и что из театра нужно уходить.

Но это всего лишь хорошая актерская неудовлетворенность. Ведь у героя — такой крупный, такой широкий шаг, кажется, поравнялся с ним, а его уже нет. И хорошо, что можно идти вслед за ним по широкой дороге, видеть его перед собой — загорелого, обветренного, сильного и молодого.

В. ИВАНОВА.